

СООБЩЕНИЯ

Г. Бебутов

К творческой истории романа Ширванзаде
„Намус“

На протяжении полувека Ал. Ширванзаде неоднократно возвращался к тексту „Намус“ и с исключительной требовательностью оттачивал каждое слово и фразу. В 1930 г. Ширванзаде внес в „Намус“ коренные исправления. Кроме этого, сохранился экземпляр первого издания повести „Намус“ на армянском языке, весь испещренный поправками автора. Всего лишь на двух страницах из 198 страниц книги нет никаких пометок.

Взявшись за обработку текста своего раннего романа, Ширванзаде зачеркивает каждое лишнее, по его мнению, слово, предложение и даже всю десятую главу первой части. Следует отметить, что многие поправки, стилистически обогащающие текст, не вошли в исправленное автором издание 1930 г. и поэтому могут помочь в установлении окончательного текста романа.

Ширванзаде при просмотре текста проверяет каждый простейший эпизод, мотив, особенно вникает в эмоциональную сферу действий героев романа, взыскательнее относится к подбору красок.

В стилистической обработке текста автор избегал повторения мыслей, излишних мотивировок, что придавало больше гибкости развитию сюжета.

Как известно, роман „Намус“ начинается с описания стихийного бедствия, разразившегося над Шемахой в мае 1859 г. и превратившего этот губернский город в груды развалин. Автор рисует сначала картину страшной катастрофы. Но это только общие штрихи, здесь еще нет героев романа. Затем писатель начинает описывать два маленьких одноэтажных домика, расположенных рядом в западной части города. Один принадлежит портному Бархудару, другой — горшечнику Айрапету. Их дети Сусан и Сейран — большие друзья. Мать Сусан — Гюльназ вязала чулок и думала о будущем детей, когда вдруг почувствовала подземный толчок. В одно мгновение все спуталось и смешалось в сознании людей. Гюльназ и мать Сейрана Марнам метались как обезумевшие. Вот Марнам с воплем отчаяния бросается к тому месту, где засыпало землей Сейран и Сусан. На этом заканчивается глава.

Какие же исправления вносит автор по этой канве?

Он зачеркивает в определении города Шемахи слова „и упорядоченный“ (*և կանոնավորված*), поскольку за этим следует слово „губернский“ (*կառնդակա՛ն*).

Желая наиболее точно описать действие стихийных сил природы, автор заменяет слова „в одно мгновение“ (*մի ակնթարթում*) словом „мгновенно“ (*միջրկենարար*).

Рисуя участь, постигшую население города во время землетрясения, Ширванзаде зачеркивает ту часть фразы, которая поясняет, что люди, „спокойно сидевшие до этой минуты в своих домах, не знали какое несчастье ожидало их“ (*որոնք մինչև այդ հանգիստ իրենց տներում նստած, զգուշ թե ինչ գործարարություն է սպասում իրենց*). Любопытно, что в редакции 1930 г. автор сохранил эту фразу и только заменил слова „ожидало их“ (*սպասում իրենց*) словами „уготовила им природа“ (*ընդթյունն... պատրաստել իրենց համար*). Но даже с этой поправкой окончание предложения не удовлетворило взыскательного писателя, и он решительно отказался от него.

В том месте, где говорится, что матери, объятые ужасом, в эту минуту забыли о своих детях, Ширванзаде зачеркивает „тех любимых детей“ (*այն սիրելի դավաղներին*), потому что дальше он определяет силу материнской любви утверждением, что матери незадолго до этого готовы были пожертвовать своей жизнью ради детей.

После слов „незадолго до этого“ зачеркнуто „в спокойной обстановке“ (*խաղաղ դրություն մեջ*), потому что определение обстановки вытекает из самого факта, что это было до стихийного бедствия.

Зачеркивается и „может быть“ (*գուցէ*), чтобы придать больше силы самопожертвованию матерей.

Следующее предложение и в редакции 1930 г. и в исправленном экземпляре романа облегчено путем устранения слов „удивительное дело“, имеющих больше интонационное значение.

Во фразе о том, что в минуту землетрясения инстинкт самосохранения, вопрос личного спасения затмил и отодвинул все остальное, зачеркнуты слова „в минуту землетрясения“ (*երկրաշարժի րոպեում*), потому что это становится ясно из всего контекста. Вместо слова „затмил“ (*խավրեցրեց*) вписано: „в человеке“ (*մարդու մեջ*), т. е. в сознании человека, а функция слова „затмил“ выполнена словом „отодвинул“.

В обеих редакциях текста зачеркнуто предложение: „жизнь для всех стала слаще“ (*կյանքը քաղցրացել էր ամենքի համար*), а в редакции 1930 г. вместо этого вписано: „мысль о спасении своей жизни ослепила всех“.

Из предложения „Прошла первая страшная минута“ автор вычеркнул слово „страшная“ (*ահարկու*), потому что вся предыдущая описательная часть главы исключает необходимость повторения.

В том месте, где говорится, что каждый здесь начинает вспоминать о своих родственниках, близких по крови, писатель вычеркивает в обеих редакциях текста слово „родственников“ (*ազգականներին*), как повторяющее по смыслу слова „близких по крови“.

После слов о том, что все захвачены участью своих близких, Ширванзаде вычеркивает из текста фразу: „следовательно, безрассуд

но ждать от кого-либо помощи" (*հետևաբար, անխելքությունն է մեկից օգնությունն սպասելը*), потому что далее следует новая фраза, которая начинается так: „Видя, что никто не помогает...“.

В конце абзаца были слова: „Немилосердный камень“. В редакции 1930 г. они заменены словами: „Будь ты проклят, бесчувственный камень!“, а в исправленном экземпляре романа зачеркнуты.

Писатель во многих случаях выпрямляет и заостряет мысль, от-
решаясь от мотивов фатальности, предопределенности. После описания того, как девушка с ужасом осознает, что она стоит у могилы за-
живо погребенного брата, и хочет бежать, но ноги у нее подкаши-
ваются и она падает, автор зачеркивает, как и в редакции 1930 г.,
фразу: „Оставим ее падающей, видимо прихоти природы требуют
этого“.

Перед фразой, рисующей как обезумевший отец тщетно пытается
вытащить детей из-под бревна, зачеркнуты слова: „Жалкий муж,
несчастный отец“ (*ողորմելի ամուսին, տառաքաղ հայր*), ибо они пред-
шествоуют действию, которое само по себе трагично.

Кроме того, эти жалостливые слова определенно мешали автору
усилить образ. Теперь же он свободно зачеркивает слово „однако“
(*սակայն*) и вписывает вместо него: „и впадает в бешенство, потому
что...“ (*և համադուժ է, որ...*). В результате получается человек не
жалкий и несчастный, а предельно перенапрягающийся в своих уси-
лиях спасти детей, жену.

В том месте, где читатель узнает, что дома, кроме Гюльназ,
никого не было, что Бархудар находился в своей лавке, а взрослый
сын еще не вернулся из школы, зачеркивается слово взрослый (*մեծ*),
потому что далее поясняется, что Смбуру было пятнадцать лет. В оп-
ределении возраста Сусан зачеркнуто „около“, оставлено „десять лет“.

Значительной правке подверглась фраза, выражавшая любовь
Гюльназ к дочери, ее искренние родительские чувства. Автор зачер-
кивает слово „искренние“ (*անկեղծ*) и надписывает „бурные“ (*բուռն*).
Дальше он находит ненужными слова „любит... и любит так крепко,
что не доверяет...“ (*սիրում է... և սիրում է այնչափ, որ չի վստահում...*),
так как вслед за этим говорится, что именно поэтому Гюльназ, сидя
возле окна, глаз не сводит с дочери, чтобы никто не причинил како-
го-либо вреда девочке. Последние слова смягчены. Вместо „не при-
чинил вреда“ написано: „не обидел ее“.

Любуясь дочерью, Гюльназ удивлялась ее сходству с собой; она
как бы видела себя ребенком; как в зеркале отражались в этом ма-
леньком личике те же блестящие черные глаза с длинными ресницами,
тот же правильный носик, розовые губки, цветущие щечки. За этим
сравнением следовала поясняющая фраза: „конечно, со свойственной
детству свежестью“, но автор зачеркнул ее, считая излишней.

В той части, где описывается паника и растерянность, охватив-
шие женщин в минуту землетрясения, Ширванзаде зачеркивает: „под-

нимая (поминальный) плач и вопли" (*սոսք ա շիվան բարձրացնելով*) и надписывает: „бездумно, бессмысленно“ (*անմիտ, անիմաստ*).

Возглас ребенка: „Тетя Мариам, вот здесь под землей остались Сейран и Сусан, скорей откопайте их“ заканчивался словами: „сердце у бедных разорвется“ (*խեղճերի սիրտը կը ճաքի*). Но автор решил зачеркнуть последние слова и вместо них повторить: „вот здесь они“ (*անա այստեղ են*), что звучит более естественно в устах ребенка.

В начале следующего предложения зачеркнуто: „Эти зловещие слова, вылетевшие из уст ребенка...“ и оставлено просто: „Слова ребенка...“.

Главу завершали строки: „Это был дикий крик, крик, который мог вырваться только из груди матери“. Слово „крик“ писатель заменил словом „вопл“, а заключительную часть фразы дал в новой редакции: „вопл, который могла исторгнуть только отчаявшаяся мать“ (*...նուսանալով մայրն արձակել*).

Кроме смысловых изменений, подсказанных логическим ходом мысли, писатель вносит много поправок, заменяя одни слова или понятия другими. Например, в шести местах он слово „барышня“ (*օրորդ*) заменяет словом „девушка“ (*սղծիկ*). „Азиатский ковер“ исправлено на „персидский ковер“. Вместо „неопределенный грохот“ (*անորոշ զրրզոց*) — „оглушительный грохот“ (*խլացուցիչ զրրզոց*).

Фразу „производили ужасное впечатление“ (*սոսկալի տպավորություն էին անում*) он заменяет одним словом: „устрашали“ (*անարեկում էին*). И далее перо писателя как бы ищет такое слово или предложение, которое можно было бы зачеркнуть без ущерба для книги или дать в улучшенном варианте. С исключительной требовательностью автор оттачивает каждую фразу, порой меняя ее оттенок, освобождая от малоупотребительных областных слов. Кстати, об этих словах. К первому изданию романа (1885 г.) приложен „Словарь“ из 303 слов с литературным пояснением каждого слова. За пятьдесят лет многие из этих областных, жанровых и диалектных слов были заменены в самом тексте.

Изучение авторских исправлений в остальных главах романа безусловно откроет еще много новых сторон в совершенствовании текста, новых приемов и методов писателя, но уже сейчас, по одной и первой главе, можно судить как поучительна эта его кропотливая работа.